

известия - 1992 - 2 июня

УШЕЛ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Перестал быть среди нас мощный, естественный, спокойный человек. Все три свойства несчастые в наше время. Но он таким был.

Он очень мощно работал. Вдруг появилось «Легко ли быть молодым», — и все стало ясно. Есть Юрис Подниекс. И больше ничего не надо говорить. Все и так понятно. За кулисами тбилисской филармонии мы стояли с ним, говорили о чем-то, он держал большую хрустальную вазу — свой фестиваль приз, и держал ее так спокойно, естественно, точно всю свою жизнь каждый год получал по пять штук таких.

Англичане сразу узрели в нем дарование — заказали ему большой фильм о нас. И когда в Москву стала тоннами поступать съемочная аппаратура и километрами пленка, он был совершенно счастлив: наконец-то нет наших вечных киношных про-

блем, все о'кей. Но был счастлив опять спокойно, сдержанно. Со своей съемочной группой он сразу же весь ушел в «материал» — успевал на армянское землетрясение, на ферганское побоище, в Чернобыль, успевал везде. Снимал жадно, так, что скоро стало понятно: материала получится на несколько больших фильмов. Когда Юрис вернулся из первой поездки в Лондон, сказал: «Теперь я понял, как там хорошо с деньгами». И опять сказал естественно, спокойно. В Риге он был все равно дома.

Так редко бывает. Но так бывает. Ни знаменитость, ни деньги никак его не меняли. Он одинаково располагал к себе очень разных людей. Дедушка — дачный сторож, опасливо относившийся к набегам шумных ватаг на казенный участок, Юрису, приезжавшему с полным багажом снели и кучей друзей, дозволял неизменно костер под

шашлык. Ершистые брейк-дансеры на своем фестивале в Паланге, зная, что он ночует не в классном финском отеле, а тут же, в кемпинге, на раскладушке, «раскалывались», рассказывали откровенно, легко ли им быть молодыми. Британский продюсер будущего сериала «Мы», ненавязчиво дававший понять в компании, «кто здесь миллионер», вдруг становился рубахой-парнем и при первой же встрече менял свою кожанку с Оксфорд-стрит на потертую Юрисову ветровочку. Писавший музыку к «Мы» Алексей Рыбников подружился с ним так, как могут в школе, в университете, и как вряд ли уже могут взрослые мужчины.

Впрочем, «располагал» не вполне точное слово. Потому что он ничего не делал для этого специально. В нем вообще не было ничего нарочитого, «от киношника». У него было ред-

кое умение, — оставаясь незаметным, быть в центре внимания. Он вызывал у людей доверие — сильный, надежный такой. Если бы он решил сыграть роль в кино, его чисто внешне легко было бы представить латышским фермером.

Но он был по сути своей философом, хотел снять большой художественный фильм по «Иосифу и его братьям». Он

был по природе своей человеком мира — говорил незадолго совсем до смерти: «Сначала я человек, а потом — латыш».

...Незадолго до того, как быть убитым, оператор Подниекса Андрес Слапиньш стоял в лондонском магазине и раздумывал, что купить, — бронезилет или пуховый спальник. Выбрал спальник. После смерти Андреса Слапиньша и Гвидо Звайгзне Юрис говорил, что он чувствует себя так, как будто отрезали часть его самого. В первую же поездку в Англию всем оставшимся в живых из своей группы купил бронезилеты. И вот такая нелепость. В среду после почти недели поисков его нашли на дне озера в гидрокостюме, с сорванной маской, с пустыми кислородными баллонами.

Мне вспоминается: мы катались на яхте под Нидой. Когда Юрис брался за румпель, яхта шла очень ровно, спокойно. У него была «тепловая» лодка. Он весь был крепкий человек.

Георгий
ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ.

Подниекс Ю

26.01.92